

Бессмертнова Светлана Владимировна

К ВОПРОСУ ОБ "ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ" ЖАНРАХ

В статье анализируется жанровая специфика экзистенциальной литературы с целью определить круг ведущих жанров эпохи экзистенциального сознания. Кроме того, анализ позволяет увидеть, как нарративные особенности, диктуемые жанром, взаимодействуют с особенностями конкретными экзистенциальными мотивов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/4/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (15). С. 36-38. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Васильева В. С.** Об особенностях взаимосвязанного обучения чтению и устной речи при работе с текстами по специальности // Интенсификация процесса обучения иностранным языкам в вузе: сб. научн. трудов / отв. ред. Н. Л. Семинец. Днепропетровск, 1990. С. 16-18.
2. **Прошкина Е. П.** Сборник грамматических упражнений для студентов неязыкового факультета (опыт создания и использования) // Иностранные языки на неспециальных факультетах. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. Вып. 1. С. 147-150.
3. **Современные образовательные технологии:** учебное пособие / коллектив авторов; под ред. Н. В. Бордовской. Изд. 2-е, стер. М.: КНОРУС, 2011. 432 с.
4. **Толстых В.** Не моралью единой... // Искусство нравственное и безнравственное. М.: Искусство, 1969. С. 28-56.
5. **Философская энциклопедия** / гл. ред. Ф. В. Константинов. М.: Советская энциклопедия, 1960. Т. 1. 504 с.
6. **Философский энциклопедический словарь** / под ред. Л. Ф. Ильичева и др. М.: Советская энциклопедия, 1983. 837 с.
7. **Howe E., Kaufman J.** Ethics and Professional Practice // Values, Ethics and the Practice of Policy Analysis. Toronto: Lexington Books, 1983. P. 9-31.
8. **Vacca A. L., Vacca R. T., Gove M. K.** Reading and Learning to Read. Boston - Toronto, 1987. 530 p.
9. **Vacek E. C.** Love, Human and Divine. The Heart of Christian Ethics. Washington, D. C.: Georgetown University Press, 1994. 352 p.

VALUES AS BASIS OF CONTENT FOR TEACHING FOREIGN LANGUAGE READING

Elena Pavlovna Belkina, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Department of Foreign Languages of Economic and Juridical Specialities
Sykytyvkar State University
lena.elebel@gmail.com

The author considers professionally-significant values such as interest, norms and purposes as the basis of the content for teaching foreign language reading. Reading materials should contain "objective" or "emotional" values. The reconstruction of real situations for training purposes motivates students to discuss what is read. It is necessary to offer primarily narrative texts to students and teach students to make the "map" of the story.

Key words and phrases: values; foreign language reading; "map" of story; purpose-oriented texts; means-oriented texts; professionally-significant text.

УДК 82-1/9

Филологические науки

В статье анализируется жанровая специфика экзистенциальной литературы с целью определить круг ведущих жанров эпохи экзистенциального сознания. Кроме того, анализ позволяет увидеть, как нарративные особенности, диктуемые жанром, взаимодействуют с особенностями конкретных экзистенциальных мотивов.

Ключевые слова и фразы: жанр; экзистенциальное сознание; экзистенциальный мотив; модерн и постмодерн; нарратив; фокализация.

Светлана Владимировна Бессмертнова

Кафедра литературы

Балашовский институт Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского
minnij@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ «ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ» ЖАНРАХ[©]

В связи с усмотрением тесной связи экзистенциальной литературы с модерном и постмодерном (см. напр. Д. В. Затонский [3], В. В. Заманская [2], С. Н. Зотов [4]), часто в качестве её специфического признака выделяется жанровое нивелирование, размыкание, освобождение. Отказ от жанровой системы вообще в эпоху постмодернизма, по мысли В. С. Вахрушева, «логически вытекает из суммы "смертей" всех основных явлений культуры, прокламируемых, начиная со знаменитой устрашающей формулировки Ницше "Бог умер" (Gott ist gestorben, слова заглавного персонажа книги "Так говорил Заратустра")» [1]. Но, во-первых, жанр «умирать не собирался». В произведениях таких постмодернистов как Венедикт Ерофеев, С. Довлатов, У. С. Берроуз при довольно четком авторском жанровом определении наличествует разве что смешение жанров. Однако смешение жанров было всегда, и оно доказывает не «смерть» жанра, а, напротив, его жизнеспособность и развитие. Характерно, что в некоторых современных интернет-журналах, например,

«Самиздат» [7], в графе «жанр», наряду с романом, рассказом, автору, публикующему своё произведение, предлагается «постмодернизм», - «отказ» от жанра выделен в отдельный жанр.

Во-вторых, эпоха экзистенциального сознания, или обострения экзистенциальной картины мира, совпадает с эпохой модернизма и началом постмодернизма. Действительно, экзистенциальное сознание тесно связано с этими культурными направлениями: оно составляет часть плана содержания (идеологический план) модернизма и постмодернизма, а модернизм и постмодернизм составляют часть плана выражения художественного экзистенциального сознания. То есть художественное экзистенциальное сознание может эксплицироваться как в модернистских и постмодернистских формах, так и во вполне традиционных (например, А. Камю, Ж.-П. Сартр).

Наряду с отказом от жанра, к якобы специфическим признакам литературы модерна и постмодерна и связанной с ними экзистенциальной литературы часто относят жанровые окказионализмы. К примеру, «экзистенциальный жанр» К. Хамбургер, включающий «лирические произведения и прозу от первого лица» [12, с. 27]. Однако такое выделение совершенно не оправдано, в нем не учитываются ни признаки жанра как способа бытия художественной реальности, ни философская сущность экзистенциального, выходящего за рамки жанра в принципе. Выделять экзистенциальный «метажанр», как делает это В. В. Заманская [2, с. 304], также представляется неправомерным. Во-первых, категория метажанра остается на сегодняшний день до конца не проясненной. Во-вторых, экзистенциальное сознание оказывается неизменно шире рамок метажанра: уже в основе его лежит «начало» философии, «удивление», и эпоха экзистенциального сознания черпает себя из куда более широких временных, пространственных, идейных, предметных рамок, а потому может взаимодействовать с несколькими метажанрами (конечно, в первую очередь, связанными с модерном и постмодерном). Даже если возможно установление некоего экзистенциального метажанра, это потребует отдельного монографического исследования, которого на сегодняшний день нет. Мы же ограничимся пока установлением наиболее близких экзистенциализму жанров.

Жанр *романа*, генетически связанный с большим количеством более мелких и более древних жанров, свободно включающий в себя элементы многих жанров, имеющий широкий круг разновидностей, способен стать вмещителем как отдельных экзистенциальных мотивов (например, «Тошнота» Ж.-П. Сартра - мотивы встречи с абсурдом и мотив ничтожения (потрясение разума, сопровождаемое потерей основ, термин М. Хайдеггера [10]), «Чума» А. Камю - мотивы экзистенциальной коммуникации и метафизического бунта), так и большинства оных (например, в романе русского писателя А. Платонова «Чевенгур»). Ряд ученых (Д. В. Затонский [3], В. Келдыш [6], Ю. Орлицкий [8]) отмечают, что роман экзистенциального типа характеризуется предельным обострением личностного начала, а поэтому и особым соотношением автора и героя, а именно, субъектно-субъектным. «Ориентация на героя-протагониста, становящегося центром повествования и выражающего авторское мирозерцание» [6, с. 37], по мнению указанных выше ученых, позволяет говорить о тенденциях к сближению лирического и эпического начал в экзистенциальном романе XX века. Возможно, есть основания усматривать такую тенденцию (вспомним экзистенциальный жанр К. Хамбургер). Однако такой тип наррации, действительно характерный для фокализируемого (занимающего в режиме «фигура - фон» положение фигуры) в романе «Человека Абсурда» (человека, пораженного абсурдом и мыслящего отыне в соответствии с этим), совсем необязателен для безличного мира, мира «Man», по терминологии М. Хайдеггера [10], где вероятнее появление «нечестного» нарратора (например, сказовое повествование).

Помимо учета фокализируемого компонента абсурда («Человек Абсурда» или мир «Man») при выявлении жанров, релевантных для экзистенциальной литературы, важен учет собственно характера экзистенциального мотива, актуализированного в произведении, и его места в хронологии абсурдного рассуждения. Так, например, произведение, ориентированное на выводы абсурда, к какому бы жанру (даже роду) оно формально ни относилось, будет ориентировано на «жанр экзистенциальной свободы». Известна альтернатива: либо мы несвободны, и Бог несет ответственность за зло, либо мы свободны и несем всю ответственность сами. По Камю, для Человека Абсурда «единственная ведомая свобода - это свобода мысли и действия» [5, с. 68]. Из признания за человеком безграничной свободы вытекала и безграничная ответственность. Такая установка может отражаться, конечно, в разных модусах произведения любого, в принципе, жанра, и всё же основным жанром экзистенциальной свободы следует считать *притчу*. В. И. Тюпа отмечает ряд признаков картины мира, моделируемой притчей: она «предполагает как раз ответственность свободного выбора в качестве бытийной компетенции персонажа, занимающего некоторую жизненную позицию» (ср. альтернативные позиции двух сыновей в Иисусовой притче о блудном сыне). Это императивная картина мира, где персонажем в акте выбора осуществляется (или преступается) не предначертанность судьбы, а некий нравственный закон, собственно и составляющий морализаторскую «премудрость» притчевого назидания. Здесь действующие лица, по мысли С. С. Аверинцева, предстают перед нами не как «объекты» эстетического «наблюдения» (именно таковы герои сказания или анекдота), «но как субъекты этического выбора» [9]. Важная для экзистенциального сознания созидающая, подвижническая рецепция осуществляется в притче за счет разъединения участников коммуникативного события на поучающего и поучаемого. Поучаемого, слушателя притчи, по мысли В. И. Тюпы, отличает позиция активного приятия, поскольку притчевая дискурсия требует и расшифровки, и извлечения для себя урока.

Общее свойство экзистенциальных мотивов литературы двадцатого века - тесная связь с событийностью, предикативностью, а точнее, с действием. Это свойство определяется экзистенциальной мыслью, предполагающей «прохождение» этапов от встречи с абсурдом к деятельности, направленности в мир. Для введения

события как структурообразующего элемента экзистенциального сознания более всего приспособлены нарративные структуры в противоположность структурам описания и аргументации. Наиболее нарративным (событийным) в этом плане является жанр *новеллы*, с её стремительностью и «зацикленностью» на действии и одной истории (Geschichte) (аналог среди поэтических жанров - *баллада*).

В качестве универсального драматического жанра, адекватного для воплощения хаоса и абсурда бытия, вслед за Ф. Дюрренматом [13], мы считаем *трагикомедию* (сочетающую в себе признаки трагедии и комедии). Уже в предисловии к «Мифу о Сизифе» А. Камю пишет: «Абсурд, до сих пор служивший итогом умозаключений, в настоящем эссе принимается за отправную точку» [5, с. 7]. Так и трагедия в чистом виде способна отражать причину экзистенциального сознания, но картина мира, моделируемая трагедией, не соотносится с выводами ничтожения, предполагающими жизнь в абсурде. Так, трагедия Камю «Калигула», рисуя Человека Абсурда, заканчивается его смертью в момент, когда после ничтожения он начинает с горечью смеяться: «Смеясь и хрипя, в последнем всхлипе Калигула выкрикивает: “Я еще жив!” Занавес» [Там же, с. 252]. Трагедия не может себе позволить вмещать жизнь в абсурде, обходясь без элементов комедии. Связь экзистенциального сознания с трагикомедией хорошо видна на уровне такого её специфического художественного приема как гротеск, то есть «сознательного нарушения жизненных форм и пропорций; раскрытия нелепого, карикатурного в трагических явлениях; внезапного смещения серьезного, трагического в плоскость комичного» (энциклопедическая статья [11]). Здесь же в качестве средства сценической интерпретации, которой поддаются трагикомические произведения, указывается Брехтовский принцип отчуждения, то есть показ обыденных, привычных явлений в необычном ракурсе. Такой «необычный ракурс» изоморфен экзистенциальному мотиву ничтожения. В любом случае можно говорить о трагикомедийных элементах, воплощающих элементы экзистенциального сознания.

Из поэтических жанров характерным для экзистенциальной литературы является, в первую очередь, жанр *элегии*, как соответствующий экзистенциальному мотиву одиночества и фокализируемому Человеку Абсурда, поскольку элегическое «Я» устремлено к ядру личности.

Итак, принимая в качестве критерия выделения экзистенциальных жанров, во-первых, фокализируемый компонент Абсурда, во-вторых, реализованный в тексте экзистенциальный мотив, мы считаем релевантными для экспликации экзистенциального сознания следующие жанры:

- жанр романа с персональным типом повествования при фокализации Человека Абсурда;
- жанр новеллы при экспликации экзистенциального мотива свободы;
- жанр трагикомедии при экспликации большинства экзистенциальных мотивов хаоса и абсурда бытия;
- жанр элегии при фокализации Человека Абсурда и экспликации экзистенциального мотива одиночества.

Список литературы

1. Вахрушев В. В. Жанры и жанровые системы // Образ. Текст. Игра. Борисоглебск: Изд. БГПИ, 2000. Ч. I. С. 98-122.
2. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. М.: Флинта; Наука, 2002. 304 с.
3. Затонский Д. В. Художественные ориентиры XX века. М.: Сов. писатель, 1988. 413 с.
4. Зотов С. Н. [Электронный ресурс]: персональный сайт доктора филологических наук. URL: <http://www.czotov.ru/>
5. Камю А. Миф о Сизифе. Калигула. Недоразумение / пер. с фр. А. А. Барковской. М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2010. 317 с.
6. Келдыш В. Русская литература «серебряного века» как сложная целостность: в 2-х кн. М.: Наследие, 2000. Кн. 1. 245 с.
7. Мошков М. Самиздат [Электронный ресурс]. URL: <http://zhurnal.lib.ru/>
8. Орлицкий Ю. Активизация стихового начала в русской прозе первой трети XX века // XX век. Литература. Стиль. Стилевые закономерности русской литературы XX века (1900-1930 гг.). Екатеринбург: Издательство Уральского лицея, 1994. Вып. 1. С. 63-79.
9. Тюпа В. И. Коммуникативные стратегии. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса [Электронный ресурс] // А. П. Чехов. Критика. URL: <http://www.my-chekhov.ru/kritika/tupe/tupe3.shtml>
10. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер с нем. В. В. Биbihина. М.: Республика, 1993. 447 с.
11. Шабалина Т. Трагикомедия [Электронный ресурс] // Кругосвет: энциклопедия. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/teatr_i_kino/TRAGIKOMEDIYA/
12. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
13. Durrenmatt F. Theaterprobleme. Zurich: Archer-Verlag, 1955.

TO THE QUESTION OF “EXISTENTIAL” GENRES

Svetlana Vladimirovna Bessmertnova

Department of Literature

Balashov Institute of Saratov State University named after N. G. Chernyshevskii

minnij@yandex.ru

The author analyzes the genre specificity of existential literature in order to determine the range of the leading genres of existential consciousness era, and in addition mentions that the analysis shows how the narrative features dictated by the genre interact with the features of certain existential motives.

Key words and phrases: genre; existential consciousness; existential motive; art nouveau and post art nouveau; narrative; focalization.